

Диана Фад

Сердцу не прикажешь...

ЕГО сын и Я

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Диана ФАД
Его сын и Я

«Литнет»

2025

ФАД Д.

Его сын и Я / Д. ФАД — «Литнет», 2025

Трясу перед его носом завещанием, хотя у самой сердце бьется от испуга так, что того гляди взорвется в груди. — Я буду судиться с тобой, — выплевывает гендир. — И я, и моя семья. Ты лишь дешевая дрянь, которая окрутила старика и поимела его по полной. — Мне неинтересно слушать ваши оскорбления, и я не позволю говорить со мной в таком тоне. — Как заслужила, так и говорю. — Ваш отец был вправе решать, кому и что он завещал. Никто не знал, что Захар Матвеевич уйдет так рано. Я никогда и ничего не ожидала от него. Для меня все это такой же шок, как и для вас. — Только в отличие от моего, твой шок довольно приятный, согласишься? — морщится гендир, встает и нависает надо мной всем своим ростом. — Я добьюсь, что ты не получишь ничего. Очень эмоционально Присутствует мягкий мат, пара слов на всю книгу))

© ФАД Д., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3. Восемь лет назад...	9
Глава 4. Восемь лет назад...	11
Глава 5. Восемь лет назад	13
Глава 6. Восемь лет назад...	15
Глава 7. Наше время	17
Глава 8	19
Глава 9	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Глава 1

— Мам, я опаздываю, — закрываю машину и бегу на каблуках в сторону высотки с офисами строительного холдинга «Загорский и К». — У меня сейчас совещание, я не могу с тобой долго говорить.

— Ты должна меня дослушать... — снова начинает мама, но я запрыгиваю в лифт и отключаюсь.

В лифте поднабрался народ, и я пытаюсь сдвинуться к стеклянной стенке, чтобы никого не задеть. Мне на самый верхний этаж, который полностью отведен под руководство компании. Чтобы попасть туда, у меня особый пропуск, и я прикладываю его к двери из матового стекла, когда покидаю лифт.

Коридор широкий, мрамор, хрустальные люстры. Тороплюсь, стараясь не увязнуть тонкими каблуками в высоком ворсе ковра. Здесь несколько офисов, большой конференц-зал, комната для приема партнеров и, собственно, сам кабинет, в котором я работаю уже восемь лет.

Замечаю у входа в приемную небольшую толпу людей, тут и Нина из финансового, Костя с маркетинга, пара руководителей архитектурного отдела.

— Настя! — устремляется ко мне навстречу Катя из бухгалтерии, точнее, Екатерина Дмитриевна. Довольно строгая мадам в светло-сером брючном костюме, кучей золотых браслетов и копной почти белых волос в высокой прическе. Старше меня лет на десять.

— Екатерина Дмитриевна, — торможу недалеко от кабинета. — Что-то случилось?

— А ты не знаешь? Захара Матвеевича только что увезли на скорой, подозрение на инфаркт, — быстро сообщает мне Катя.

— Да ладно, — выдаю я, опираясь рукой о стену.

Мой нюдовый маникюр почти сливается со стеной цвета капучино.

— Вот тебе и ладно, — кивает Катя. — Станислав Викторович уже подъезжает, ему нужно будет взять на себя встречи на ближайшие несколько дней, у тебя же составлен график?

— Конечно, но... Блин! — вырывается из меня. — У нас же встреча в мэрии через три дня по поводу тендера на застройку нового района.

— Какая встреча, господи! Захар Матвеевич одной ногой в могиле, сказали... — наклоняется и шепчет мне на ухо Катя. — Если не выкарабкается, что будет...

— А что будет?

— Настя, ты совсем, что ли? Придет новый гендир, и первые, кто слетят, это все руководство, ну и мы с ними.

— Зачем? — туплю я.

— Новая метла метет по-новому, слышала такое? — хмурится Катя. — Так что готовься.

— Но мы же не знаем, кто это, может, нормальный руководитель и не будет трогать работающих годами людей.

— Почему не знаем? — удивляется Катя. — Уже известно, кто это.

— И кто? — мне становится интересно.

— Н-да, Настя, ты секретарь генерального директора и даже не знаешь, кто наследует его пост, если что?

Мои щеки начинают пылать от смущения, но да, я такая вот. Даже не поинтересовалась в свое время. Захар Матвеевич окружил меня словно бетонной стеной. Ничего личного в рабочее время, а в нерабочее только личное и с ним. Мне и спросить-то у него не было возможности, кто встанет вместо него. Да и как бы я это сделала? У мужчины, с которым сплю, который полностью меня обеспечивал и от которого... Так... А вот тут я уже напряглась и поняла, о чем мне толкует Катя.

— И кто же это? — скрывая волнение, спрашиваю Катю.

— Как кто, его сын, — смотрит она, широко открыв глаза.

— Это тот, который... — начинаю я вспоминать, что знаю про сына Захара Матвеевича.

— Именно!

— Ужас какой, — выдыхаю я, в самом деле пугаясь.

С лица сходит румянец, ладони внезапно становятся ледяными.

— Вот и я про что. Если Андрей Захарович приедет и возьмет на себя управление компанией, кого он первым погонит с работы?

— Меня... — едва шевеля губами, шепчу я.

— Тебя, да. Так что давай, беги в кабинет и начинай разбирать бумаги. Секретарь Загорского младшего сказала, что сообщит, когда тот должен вылетать. Все равно нам машину за ним посылать. Слышишь меня, Настя? Але?

С трудом возвращаюсь к реальности и киваю Кате.

— Обязательно надо встретить сына Захара Матвеевича.

— А он сам не доедет? — вырывается из меня.

— Дай бог нам всем терпения и удачи, — молится Катя и отходит от меня к группе мужчин.

Что там они собираются обсуждать, я уже не слышу, открываю карточкой приемную и захожу внутрь. Приваливаюсь к двери и смотрю вокруг, не понимая, что происходит. Нет, в целом до меня уже дошло, но я еще не оценила риски для своей персоны. А то, что меня вышвырнут с работы первой, это гадать не приходится. Даже если сын Загорского не в курсе моей связи с его отцом, то услужливые люди найдутся, быстро просветят. Хотя бы тот же Прядин Stanislaw Викторович, заместитель Загорского. Он первый меня сдаст, не сомневаюсь. Как же все не вовремя!

ВНИМАНИЕ! СОДЕРЖИТ СЦЕНЫ РАСПИТИЯ СПИРТНЫХ НАПИТКОВ. ЧРЕЗМЕРНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ ВРЕДИТ ВАШЕМУ ЗДОРОВЬЮ.
 ВНИМАНИЕ! СОДЕРЖИТ УПОМИНАНИЕ КУРЕНИЯ ТАБАКА ИЛИ УПОТРЕБЛЕНИЯ НИКОТИНОСОДЕРЖАЩЕЙ ПРОДУКЦИИ. КУРЕНИЕ ТАБАКА ИЛИ УПОТРЕБЛЕНИЕ НИКОТИНОСОДЕРЖАЩЕЙ ПРОДУКЦИИ ВРЕДИТ ВАШЕМУ ЗДОРОВЬЮ.
 ВНИМАНИЕ! СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ.
 ВОЗРАСТНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ 18+

Глава 2

— Анастасия Сергеевна, где бумаги по тендеру? — в приемную без стука заходит заместитель Загорского, Станислав Викторович Прядин.

— Я уже приготовила, — встаю из-за своего стола, направляясь в кабинет шефа.

Мне нужно пройти мимо Стаса, который встал в дверях, сложил руки на груди и нагло следит за мной, улыбаясь.

— Можно? — останавливаюсь напротив него, строго смотрю в глаза.

— Анастасия Сергеевна, вы сегодня очень красивы, — окидывает меня Прядин масляным взглядом.

— Рада это слышать, можно пройти?

— Ну что ты, девочка, как чужая, — делает шаг ко мне Прядин. — Твоего шефа теперь нет, а я здесь. Хочешь и дальше жить как принцесса, могу помочь...

— Станислав Викторович, вы кабинеты не перепутали? Вам нужно было в бухгалтерию зайти с этим предложением. Там много одиноких женщин, что будут рады составить вам компанию.

— Зубки показываешь, по привычке скорее, но ничего, скоро придет новый гендир, и полетишь ты со своего места далеко отсюда, — скалит зубы Прядин. — За столько лет Захар Матвеевич тебя не научил быть более сговорчивой?

— Не вам решать, что мне делать, — в тон ему огрызаюсь я.

— А знаешь, мне даже интересно, что ты будешь делать, когда Андрей Захарович узнает, сколько лет его отец наставлял рога его матери с тобой? Сейчас ты можешь сделать так, что никто и ничего по-прежнему не будет знать. Ты же умная девочка, а Захар глупых терпеть не мог.

Прядин смотрит мне в глаза, нисколько не сомневаясь, что я сейчас упаду к нему в объятия. Стас мне изначально не нравился, как только я начала работать здесь. Первое время мне было нелегко отбиваться от его настойчивого внимания. Потом меня под защиту взял Захар Матвеевич. Нет, Загорский не сказал Прядину правду, это открылось позже, но дал понять, что подкатывать к его секретарю крайне нежелательно. Прядин отстал на какое-то время, периодически делая попытки, пытаясь меня завоевать, но сильно не давил. Боялся гендира. Теперь же у Стаса полная свобода.

Тогда, восемь лет назад, Захар Матвеевич остался у меня на выходные, предупредив всех, что в командировке. И в воскресенье неожиданно слег с жуткой ангиной. Ни о каком возвращении домой не могло быть и речи, а в понедельник важное подписание договора с инвесторами.

— Я вызвал сюда Стаса, — хрипло сообщил мне гендир, пока я металась между ним и кухней, готовила куриный бульон, морс, чай с лимоном.

Пичкала своего гендира таблетками, что назначил платный врач, которого Захар Матвеевич вызвал. К тому времени у нас уже установились близкие отношения с Захаром Матвеевичем, и я смирилась со своим положением. А какой у меня был выбор? Терять мне особо было нечего, ни мужа, ни жениха, а гендир заменил мне и отца, и любовника.

— Зачем? — остановилась я посреди гостиной с чашкой морса в руках. — Он же будет знать, что мы... Близки. — нашла я нужное слово.

— Стас слишком ценит свою должность, чтобы подставляться из-за такой мелочи, — сказал Захар Матвеевич и закашлялся. — Как же горло болит.

Он редко жаловался, хотя это был первый раз, когда я увидела своего гендира больным и уставшим человеком. Остальное время это был довольно жесткий человек со стальным стерж-

нем внутри. Мне было чему у него научиться. Иногда я им даже восхищалась. Свой бизнес и людей, работающих на него, гендир держал в ежовых рукавицах, впрочем, как и меня.

Стас приехал ко мне и не высказал свое удивление, увидев там Захара Матвеевича больного в теплом халате, всего такого домашнего. Лишь когда уходил, а я его провожала до двери, остановился и сказал тихо:

— Так я и думал, Анастасия Сергеевна, — хмыкнул он и ушел.

С тех пор Стас обходил меня стороной, лишь иногда отпуская сальные шуточки, когда гендира не было рядом. Я думаю, что он ждал, когда наша связь с Захаром Матвеевичем прекратится. И вот дождался.

— Захар Матвеевич еще может вернуться, — сказала я Стасу, когда он все же уступил мне дорогу в кабинет гендира. — Советую вам попридержать свой язык.

— А я умею ждать, Анастасия Сергеевна, — следует за мной в кабинет Прядин. — Мне даже интересно, что нашел в тебе такого Загорский, что вы столько лет скрывали свою связь.

— Нужно было объявить об этом на собрании акционеров? — беру со стола нужную папку и поворачиваюсь к Стасу. — А насчет моего увольнения будет решать новый генеральный директор, а не вы.

— Как раз таки я, — усмехается Стас. — Могу спеть оду твоим рабочим качествам, и ты останешься, а могу все рассказать, и вылетишь отсюда как пробка из шампанского.

— Приятное чувство власти, да? — оскаливаюсь я. — Только Захар Матвеевич не только был моим любовником все эти годы, но еще и наставником.

— И что это значит? — хмурится Стас.

— А то, что у него на всех собрано досье, в том числе и на вас, Станислав Викторович. И что в этом досье, знаю только я.

Прядин меняется в лице, разом бледнея. Кадык нервно дергается, Стас сглатывает, с шумом втягивает воздух, но берет себя в руки.

— Блефуешь, ничего у тебя нет на меня, — выдавливаю из себя, стараясь держать голос. — Ты никто и звать тебя никак, чтобы влезать в дела компании.

— Ой ли? Проверим?

Прядин какое-то время молчит, затем отступает от меня на пару шагов к выходу, держа папку в руке.

— Посмотрим, — не глядя на меня, отвечает Стас и выходит, громко хлопнув дверью.

Вздрагиваю и обнимаю себя руками, словно мне внезапно стало холодно. Да, девочка, теперь тебе придется справляться одной, словно слышу рядом голос Захара Матвеевича. Он меня многому научил, в том числе и держать лицо, не идти на поводу своих эмоций. И про папку я почти не выдумала, только вот не знаю, что там. Генеральный директор компании держал у меня папку, которую не велел открывать.

— Здесь все, что я собрал за долгие годы своей работы. «Когда-нибудь тебе это пригодится», — часто говорил мне Захар Матвеевич.

Что должно случиться, когда наступит это «когда-нибудь»? Может быть, сейчас, когда я осталась одна, без привычной поддержки? Но я сильная, я справлюсь. Зачем мне какая-то папка?

Глава 3. Восемь лет назад...

— Ты что, меня боишься? — мой генеральный смотрит таким взглядом, что я вижу расплавленную сталь в его глазах. — Не стоит, детка, я не кусаюсь.

Он стоит напротив меня, высокий, статный, красивый. Старше лет почти на тридцать лет, но мужчина притягивающий, обаятельный. Может, он и пугает своей суровостью, особенно меня, но и это привлекает.

— Не боюсь, — вздергиваю свой носик, по которому съезжают очки, что я ношу для солидности.

Захар Матвеевич их подхватывает и медленно приближает к своему лицу. Закусываю губу от досады, сейчас разгадает мой фокус.

— Так я и думал, — усмехается он, и эта его улыбка сразу делает лицо чуть мягче, не такое суровое, как обычно.

— Для кого этот цирк с очками и длинными юбками? Для меня? — снова хмурится гендир. — Ты знаешь, что секретарша — лицо компании и должна не отталкивать, а привлекать?

Я бы сказала, что я, может быть, и лицо, но еще и мозги, руки, знания, но у меня буквально слова застряли в глотке. Я чувствую, как его рука ползет по моему бедру, подтягивая длинную юбку кверху.

— Ч-что вы делаете? — выдыхаю испуганно.

— А на что это похоже? — кривит красивые, чуть полные губы Захар Матвеевич. — Я тебя соблазняю, детка.

— Спасибо, не надо, — к черту бы сейчас мою вежливость, воспитанную чуть ли не с молоком матери, но я так напугана, что теряюсь в близости мужчины. Любого мужчины, а тем более такого, как генеральный директор строительной компании.

— Я тебе не нравлюсь? — сердится Захар Михайлович. — Или что?

— Я вас не знаю, — глупее вопроса не придумать.

— Вот я и предлагаю познакомиться поближе, — со смешком отвечает он, обхватывая мои бедра уже обеими руками и впечатывая в стену.

Охаю, когда чувствую его каменную эрекцию. Мне даже немного больно от такого давления.

— Видишь, как я тебя хочу, — шепчет он мне на ухо, покусывая мочку. — Скажи, что ты хочешь? Я готов побаловать мою девочку, если она будет сговорчивой.

В уме проносится квартира, машина, хороший и любящий муж, дети... Я бы посмеялась, но мне сейчас так страшно, что, кажется, начинают стучать зубы.

— Отпустите меня, — вырывается мышинный писк, когда губы гендира уже исследуют мою шею.

От этого становится так горячо, влажно, что я сама невольно выдыхаю с тихим стоном.

— Сладкая девочка, — шепчет у моих губ Захар Матвеевич и накрывает поцелуем.

Мне не противно, нет. Я словно смотрю на себя со стороны. Однако ощущения вполне приятные, а сердце колотится так, что сейчас выпрыгнет из груди. Я маленькая, худенькая, но с нужными и довольно аппетитными изгибами, по которым сейчас и проходит рука гендира. Ласкает, сжимает, вызывает томление внизу живота. Мысли разлетаются в разные стороны, оставляя после себя пустоту, где только чувства, ощущения.

— Если будешь моей, я тебя всему научу, — шепчет между поцелуями мой начальник. — Ты же послушная девочка, умная. Знаешь, что я для тебя сделаю очень много...

Уплываю, ощущая, как его рука заползла под блузку и отодвинула чашку обычного белого бюстгальтера. Вздрагиваю от новых ощущений и вдруг прихожу в себя.

— Отпустите, — поднимаю руки, упираясь ладонками в грудь Захара Матвеевича. — Прошу вас.

Он отпускает мои губы, рука на груди замирает. Затем прислоняется лбом к моему лбу и часто дышит. От него приятно пахнет, зеленый чай, бергамот. Я дышу вместе с ним, под ладонями бьется могучее сердце.

— Ладно, — голос Захара Матвеевича меняется, становится совсем другим. В нем звучат металлические нотки. — Даю тебе две недели. Если по-прежнему будешь против, я решу эту проблему другим способом.

Он оставляет меня, отходит. Дрожащими пальцами поправляю юбку, застегиваю блузку, едва попадая в крошечные петельки.

— Ты хорошо работаешь, и мне бы не хотелось опять искать секретаря. То, что ты попала на место старой секретарши, для тебя просто огромный шанс занять это место. Если мы не сработаемся, можешь искать другую работу, — гендир идет к своему креслу и садится за стол.

Я отхожу от стены, едва держусь на ногах. Не совсем еще понимаю, что он говорит, но кое-что уже дошло. Как я полагаю, основное — «меня уволят». В голове сразу проясняется, и я вспоминаю, по какой причине я оказалась здесь. То, что от меня требуется спать с моим начальником, меня никто не предупредил. Я, которая пришла сюда из института, где все годы учебы только и делала, что училась, а не гуляла, как все мои однокурсники. Закончила с красным дипломом, получила несколько крутых предложений, но выбрала именно эту компанию. И сейчас я должна всего лишиться?!

Мое положение такое, что выбора не остается. Я могу лишь оттянуть время своего падения. Хотя какого падения? Тебе двадцать два года, Настя. Кому ты нужна, старая дева? Я даже удивилась, что, несмотря на всю мою бутафорию, Захар Матвеевич во мне что-то разглядел и воспылал страстью. Только вот я не прожженная во всех оргиях девица, я вообще ничего не умею! Но кого и когда это останавливало? Лишиться работы я не могу, она мне очень нужна, и это все, что у меня есть на данный момент. От меня слишком много зависит, вся моя маленькая семья, где только я и мама.

— Свободна, — напоминает о себе Захар Матвеевич и даже не смотрит в мою сторону.

Перебирает на своем столе бумаги, что-то читает, нацепив золотые очки. Он меня пугает до дрожи, но в то же время мне не противен. Захар Матвеевич не старый, ухоженный, хорошо одет, да и вообще приятный во всех смыслах. Ну и что, что строгий и властный. Возможно, мужчина и должен быть таким? Я же не знаю.

— Что-то еще? — смотрит на меня требовательно, оценивающе.

— Я согласна, но на своих условиях, — вырывается из меня прежде, чем успеваю подумать.

— Вот как... — снимает очки и закусывает зубами ушко, смотрит, ведет взглядом, словно уже раздевает. Под его взглядом кожа под тонкой шелковой блузкой пылает, а щеки покрывает румянец. — Что же, назовем это сделкой. Говори свои условия.

Глава 4. Восемь лет назад...

— Позволь мне ухаживать за тобой? — голос Захара Матвеевича мягкий, располагает к себе, и я киваю, хотя внутри всё заледенело от страха.

В тот вечер, когда я согласилась на его предложение, у меня было лишь несколько условий для нашей близости. Первое, мне нужно время, чтобы к нему привыкнуть, так как я еще невинная девушка. При этом глаза Захара Матвеевича загорелись огнем, а взгляд на меня стал совсем горячим, что пугало еще больше.

— Второе, я не хочу, чтобы кто-то на работе знал о нашей связи. В офисе мы просто секретарь и начальник.

— Принято, мне это тоже ни к чему, — соглашается Захар. — Моя жена довольно ревнива, поэтому я хочу, чтобы все было тайно.

— Ах да, ваша жена, — прикусываю от досады нижнюю губу, отчего Захар Матвеевич напрягается. — Как некрасиво поступать так с вашей женой.

— Будешь думать об этом? Думай, но про себя, — тут же тон гендира становится сухим и холодным. — Моя жена и мои отношения с ней для тебя табу, понятно? Тебя, а точнее нас, это не касается.

— Хорошо, но как вы можете изменять... — начинаю я и вздрагиваю от недовольного рыка своего шефа.

— Я же сказал, это мое дело!

— Но зачем я вам? Я ничего не умею!

— Ты мне очень нравишься, очень. Я тебя хочу так, как не хотел ни одну женщину... — его пальцы касаются моих пшеничного цвета волос, ведут по шее, спускаются на грудь.

Я рвано вдыхаю в себя воздух, тону в новых для меня ощущениях. Этот мужчина знает толк в наслаждении, я это вижу. Для меня эта сторона жизни еще загадка, которую предстоит разгадать. Так пусть же моим мучителем будет опытный инструктор. Тем более у меня нет других вариантов. Мне нужны были деньги. Я надеялась их заработать, но времени слишком мало. Пусть будет этот мужчина, а я продажная женщина, которой скоро стану.

— Третье? — тихо произносит гендир, нежно трогая мою грудь, играя, теребя.

Тонкое платье нисколько не защищает меня от его прикосновений, кожа горит, щеки начинают пылать огнем.

— Мне нужны деньги на операцию для мамы, она все, что у меня осталось.

— Сколько? — рука перестает играть с моей грудью, и Захар Матвеевич убирает ее, кладет рядом на сиденье.

Мы едем, а точнее уже приехали в ресторан на ужин и сейчас стоим около пафосного здания в центре Москвы. Водителя гендир отправил наружу, чтобы не мешал нашему общению. На мне атласное длинное платье с открытой спиной насыщенно синего цвета, волосы я слегка завила, оставила свободными локонами по бокам лица, а сзади подняла вверх, заколов заколкой со стразами. Воротник-петля с глубоким декольте. На ногах черные замшевые туфли на высоком каблуке, и первый раз на мне чулки.

Я чувствую себя развратной и очень красивой. А еще ужасно глупой, что согласилась на все это, но в мыслях так и слышу голос маминого врача, что еще месяц, и будет поздно. Сердце ждать не будет и работать вхолостую тоже. Поэтому все мои мечты накопить на операцию канули в туман, где там и останутся навечно. Одна надежда на Захара Матвеевича и на мое тело, которое я ему, по сути, продаю.

Называю нужную сумму и жду, затаив дыхание.

— Где хотят делать операцию? — хмурится Захар Матвеевич.

Говорю, в какой больнице, чем вызываю в нем тихий смешок.

— Хорошо, но позволь этим заняться мне. Я сам выберу больницу, договорюсь с нужными врачами и все оплачу.

— Но как же... — Я сбита с толку, сомневаюсь.

Нет, я верю, что если мой гендир пообещал мне это, то сделает, но нужно ли это моей маме?

— Ты не хочешь, чтобы твоя мама поправилась? — удивляется гендир. — Я недавно столкнулся с этим, когда у моего тестя был приступ и потребовалось делать шунтирование. Поверь мне, мои замы прошерстили все больницы у нас в Москве, в том числе и рассматривали Санкт-Петербург, так как тестя нельзя было перевозить самолетом. Я не врач, поэтому не буду спрашивать диагноз твоей матери, но направлю ее именно к социалистам, что понимают во всем этом гораздо больше, чем мы с тобой. Я старше, деточка, и теперь вся ответственность за тебя лежит на мне. Я хочу, чтобы ты была счастлива... Я сделаю твою жизнь сказкой...

Его губы сухие, твердые. Дыхание частое, он приятно пахнет. Пока неумело отвечаю на поцелуй, пытаюсь понять свои ощущения. Но нет, мне этот человек приятен. Как мужчина, возможно, как будущий партнер. Хотя тут уже без «возможно». Я согласилась ради мамы, но мне нечего терять. Свою честь я с радостью поменяю на жизнь самого близкого для меня человека, и пусть меня кто-нибудь осудит или скажет, что продала себя. Мне плевать, что обо мне будут думать люди. Я выбрала самый легкий путь, и пусть мне сейчас стыдно, однако я не сверну. Сдержу свое обещание гендиру, если он сдержит свое.

— Пойдем, — Захар Матвеевич первым открывает свою дверь и выбирается из машины.

Я вкладываю свою ладошку в руку водителя, который ждет, когда я выберусь из машины, оберегая подол длинного платья. Это тоже подарок Захара Матвеевича, как и туфли, как и чулки. Я превращаюсь в содержанку, но не этого ли я хотела? Если честно, то нет. Никогда не планировала быть на содержании у мужчины, но вот так получилось. И мне очень стыдно перед его женой, которая, надеюсь, никогда про меня не узнает.

Глава 5. Восемь лет назад

— Нравится? — мы стоим посреди огромной гостиной, где нет мебели.

Сама комната очень красивая, окна в пол, что сделан из досок под цвет венге, почти белые с кремовым оттенком стены, белый натяжной потолок с хромированной люстрой в виде цветка. В окна я вижу только небо. Квартира находится на двадцать седьмом этаже высотки, и отсюда можно подняться на открытую террасу, где установлены растения в горшках и пара шезлонгов.

В квартире еще две комнаты, я так понимаю, спальня и гостиная. Из спальни выход на полукруглую лоджию с окнами в пол. Я побоялась туда выходить, очень боюсь высоты, но меня никто не спрашивал, хочу ли я жить так высоко.

— Мой первый подарок, — берет мою ладонь Захар Матвеевич и вкладывает блестящие новенькие ключи. — Мне дали контакты дизайнера, можешь сделать все тут по своему желанию, но я хотел бы, чтобы это было уютное гнездышко без всяких новомодных штучек.

— Но... — начинаю я, а Захар обрывает меня на полуслове.

— Квартира оформлена на тебя, я уже говорил, что свою женщину я обеспечу. Тем более мне нужно место, где мы будем встречаться.

— Аа, — глупо моргаю, смешно приоткрыв рот.

Так вот для чего все это? Пора расплачиваться, Настя. Все эти подарки, лечение мамы... Ты же не думала, что все делается просто так? За твои красивые глазки?

— Хорошо, — выдыхаю я, оглядывая свой подарок.

Что же, квартиру явно гендир выбирал по своему вкусу. Район хороший, с одной стороны лес, куда выходят окна спальни и гостиной, с другой оживленная дорога с кучей магазинов, торговый центр и метро. Внизу подземная парковка. Возможно, я бы выбрала себе такую же квартиру, если у меня был выбор. Наш домик в Подмоскowie не идет ни в какое сравнение с этими хоромами. Тут явно больше ста квадратных метров.

— Здесь я хочу видеть большой мягкий диван и телевизор, люблю вечерами поваляться, — расхаживает по гостиной Захар Матвеевич. — Кухню сделай функциональной, кофемашина, хорошая духовка, я люблю выпить кофе и вкусно поужинать. Мы не всегда будем заказывать еду из ресторана. Ты же умеешь готовить? — поворачивается ко мне, смотрит пытливо в глаза.

— Не уверена, что в такой мере, как вам нужно, — пожимаю плечами.

Да я понятия не имею, как быть с мужчиной, жить с ним, да еще и готовить! Да и навыков у меня нет к изысканной кухне, щи, борщи да каша. И то на начальном уровне. Для общежития и съемной квартиры, где я жила и живу сейчас, мне хватало.

Гендир подходит ко мне и берет двумя пальцами за подбородок, приподнимает, заставляя посмотреть ему в глаза.

— Я не заставляю тебя готовить мне как в ресторане Мишлен, поверь, мне хватает этого по работе. Я хочу обычную вкусную еду, пельмени там, котлеты с картошкой. Запишись на кулинарные курсы, походи. Тебе не трудно?

Киваю, проглотив от страха все слова.

— Или ты уже передумала? Твоя мама проходит обследование, со дня на день ей сделают операцию, или мы все останавливаем? — пытается меня гендир.

— Ннет... — шепчу я, чувствуя его руки на своей талии.

Он поглаживает мне спину под пиджаком. Я сегодня в брючном костюме и кремовой блузке. Волосы забраны вверх в обычный хвост.

— Я рад, что мы друг друга понимаем, — произносит гендир и отступает, отпускает мой подбородок.

Украдкой облегчённо выдыхаю и иду за ним в сторону кухни. Здесь тоже ничего нет из мебели, поэтому там я получаю указания, какой стол, какие стулья и гарнитур, и мы идём в ванную.

— Здесь поставят джакузи, там душевую кабину, — указывает мне Захар Матвеевич. — Насчет этого я уже распорядился. Тебе остаётся только наполнить эту комнату аксессуарами и всякими милыми штучками. И купи нам пару одинаковых халатов, любой цвет, только не белый и красный. Терпеть не могу эти цвета.

Мысленно ставлю себе заметки в голове и следую за гендиром к выходу из квартиры.

— Держи, второй экземпляр у меня и третий у клининга, ещё запасной на посту охраны внизу. Сюда никто не зайдёт без твоего разрешения. Эта квартира твоя, делай что хочешь, но я не приветствую здесь гостей или вечеринки. Я могу приехать в любое время к тебе, и ты должна меня ждать.

— Маму я сюда забрать не могу после операции? — почему-то шёпотом спрашиваю я.

— Сама-то как думаешь? — хмурится гендир. — Конечно, нет. Тем более на всю обстановку уйдёт месяц или больше. Я не намерен терпеть ни одного лишнего дня, Настя. Я уже сказал о своих желаниях, что хочу тебя. А по гостиницам я таскаться не собираюсь, собирать всю грязь.

Мы идём к лифтам, где я терпеливо жду, какой приедет первым. Взглядом сверлю широкую спину Захара Матвеевича, пытаюсь представить нашу с ним первую ночь. Или это будет день? Как вообще это всё будет? Впору впасть в истерику на пустом месте. Я сама не понимаю, как мне себя вести рядом с этим человеком. Он уже распланировал всю мою жизнь, да и свою рядом со мной, а как же его семья? Насколько я знаю, у него есть дети, да и жена... Неужели она ничего не почувствует, не поймёт, что её муж ей изменяет?

Я так не хочу быть любовницей, мама всегда говорила, что это падшая женщина, о которую все вытирают ноги и справляют нужду. Мне тогда казалось, что это очень противно. Вызывало во мне лишь отвращение. А сейчас я стану именно этой женщиной, которая влезла в чужую семью. Но я не хочу этого, не хочу! Только кто мне поверит?

Мы видимся с моим гендиром почти каждый день, кроме выходных. Их он проводит со своей семьёй. Значит, дальше будет также. Мой удел — ждать его постоянно, встречать как любимого человека. А днём делать вид, что мы лишь начальник и подчинённая. Смогу ли я так? Придётся. Если Захар Матвеевич поможет моей маме, как обещал, я на всё закрою глаза. И я не строю из себя мученицу и не собираюсь целыми днями и ночами страдать над своей судьбой. Я сама пошла на этот шаг, сама упала на дно этой ямы. Мне и плыть. Или как-то выплывать.

Глава 6. Восемь лет назад...

— Мама, ты главное не волнуйся, всё будет хорошо, — я сижу у мамы в палате, держу ее за руку.

Пальцы ледяные, хочется согреть ее своими руками, поделиться теплом. Но не получается. Мама бледная, с едва заметной синевой вокруг рта и почти серыми губами.

— Я не волнуюсь, — тихо отвечает мама. — Главное ты. До сих пор не могу понять, откуда ты взяла столько денег.

— Мы с тобой всё обсудили, мам. Квоту ждать долго, а мне на работе предложили взять кредит. Вот я и взяла.

— Не нужно было, теперь выплачивать будешь. Ты же только устроилась и такие деньги. Лучше мне было помереть, чем тебя в такую кабалу тянуть.

— Ну что ты говоришь, мам! — сержусь я. — Ты всё, что у меня есть. Я же совсем одна останусь... Ты сама говорила, что хочешь внуков нянчить, на свадьбе моей погулять, а сейчас? Что за упадническое настроение?

— Да как представляю, сколько ты выплачивать будешь, какие тут внуки, Настя!

Сидим какое-то время молча, каждый думает о своем. Завтра у мамы операция, а я ей вру. Во всем вру. Ни слова не говорю про Захара Матвеевича, ни про квартиру, что он мне уже подарил и где сейчас идет ремонт. И не говорю про нашу первую с ним ночь, которая далась мне с большим трудом. И дело тут не в моей невинности.

Всё было красиво, как положено. Ресторан, цветы, дорогой подарок в виде бархатной коробочки, где лежало кольцо и серьги из жемчуга с бриллиантами. Я сразу поняла, что пришел мой час расплаты. Как бы гендир не готовил меня к этому, все равно я тряслась весь вечер, как испуганная девчонка перед потерей девственности. Но не само это пугало меня, а процесс. Я плохо представляла себе, что нужно делать, и вообще, как я лягу в постель с НИМ?!

— Что ты дрожишь? — Захар Матвеевич гладит мою руку, что лежит на столе. — Замерзла?

Я сижу напротив него в красивом шелковом платье изумрудного цвета. На мне его подарок сверкает в ушах и на шее. Платье без рукавов, и мне холодно, но это нервное.

— Нет, просто волнуюсь, — честно признаюсь ему, отвечая на его пожатие моих пальчиков. — Я не готова, Захар.

Лучше сказать правду, чем притворяться.

— Я и так долго ждал, Настя, — хмурится гендир, заставляя меня вздохнуть еле заметно. — Сегодня я останусь у тебя, и это не обсуждается.

Киваю, опуская взгляд в свою тарелку, где уже лежит десерт, что-то с мороженым. Мне и кусок в горло не лезет от волнения. Я всегда хотела, чтобы мой первый раз был особенным и точно с любимым человеком, а не вот так... Из чувства долга.

В моей квартире еще идет ремонт, но спальня и ванная комната уже готовы. На этом настоял Захар Матвеевич. Видимо, ему не терпится получить меня полностью, несмотря на мое нежелание. Он прав, я должна отрабатывать все, что гендир мне дает. И так уже месяц, как мы заключили эту сделку, а получаю обещанное только я. Захар Матвеевич долго ждет, знаю.

После ресторана едем домой ко мне и молча поднимаемся на лифте. Как назло, мне кажется, что лифт едет слишком быстро, хотя всегда ехал медленно. Не успеваю успокоиться, как уже оказываюсь у своей двери и пытаюсь вставить ключ в замок.

— Дай я, — нервничает гендир, отбирая у меня ключ.

Заходим в прихожую, и я тянусь, чтобы включить свет, но мою руку останавливают.

— Потом, хочь так, — шепчет около моего уха Захар и стягивает с моих плеч пальто.

Я рада, что он не стал раздевать меня при свете. В темноте менее стыдно, чем когда все видно. Позволяю ему снять с нас верхнюю одежду, затем гендир опускается на корточки и расстёгивает мне сапоги, лаская при этом каждую ногу в тонком дымчатом чулке.

Его пальцы гладят щиколотку, поднимаются к колену, а затем еще выше. Я дышу часто, пытаюсь понять, что происходит. Меня волнуют его движения по моим ногам, но страх пока сильнее.

Гендир поднимается и подхватывает меня на руки, несет в спальню, где бережно опускает на кровать просто огромного размера. На этом настоял сам Захар Матвеевич. Дальше с меня медленно снимают платье, целуя каждый миллиметр кожи. Я чувствую его теплые губы на своих плечах, груди, животе. Он не груб со мной, наоборот, все делается нежно, мягко. Почему я ничего не чувствую? А что я должна вообще чувствовать?

— Расслабься, — скорее приказывает, чем просит гендир.

Я честно пытаюсь расслабиться, думая о чем-то хорошем, но его руки на моем теле, губы не дают мне это сделать.

— Ты такая красивая, я так тебя хочу, — голос гендира подрагивает, в нем столько страсти, волнения, что я закусываю губу, чтобы не ответить ему какой-нибудь глупостью. Потому что у меня нет ничего. Я словно кукла, которую целуют, вертят в разные стороны, щупают, мнут.

Внутри меня дрожит маленькая девочка, которая не знает, что ей делать. Я неумело отвечаю на поцелуй, который не вызывает у меня ничего, кроме раздражения. Поднимаю руки, глажу спину Захара Матвеевича, надо же мне хоть что-то делать, а не просто лежать как бревно. Ему нравится, он стонет, сминая мое тело еще сильнее.

Боль дикая, ослепляющая, заставляет меня забиться в крике и попытках вырваться. Но руки мужчины держат крепко, продолжая свою пытку. Слёзы катятся по щекам, я терпеливо жду, пока все закончится. А потом долго лежу, накрывшись простыней. Слышу, как мой теперь любовник говорит мне слова любви, потом уходит в душ. Слышу, как там льется вода, и потом Захар Матвеевич собирается, одевается, чтобы уйти.

— Девочка моя, я так рад, что у тебя первый, — наклоняется ко мне и целует, словно не может оторваться. — Отдохни, ты заслужила. Завтра выходной, я должен быть дома, а ты как раз немного соскучишься по мне. Думаю, одного дня тебе хватит. Увидимся в понедельник, Настя. Вот увидишь, в следующий раз будет намного лучше.

Он уходит, я слышу, как щелкает замок на входной двери. Лежу, бездумно смотрю в окно на ночное небо. Мне хочется встать, смыть с себя все это, что со мной было. Все поцелуи, объятия, отмыться, словно я испачкалась. Я должна к этому привыкнуть, потом будет легче. Ведь будет легче, да?

Дорогие мои, начинаем знакомиться с главными героями.

Красота наша, Настенька

Захар Матвеевич

Остальных героев буду добавлять по мере их появления.

#####

Глава 7. Наше время

— Анастасия Сергеевна, секретарь Загорского младшего сообщила, когда он вылетает, — в приемную врывается помощница Прядина, милая женщина около сорока лет.

— Отлично, нужно будет послать машину, чтобы его встретили, — не отрываясь от бумаг, отвечаю ей.

— Я подумала, что, возможно, ты захочешь его встретить сама, — осторожно произносит Лариса, а я перевожу на нее взгляд.

— Зачем? — искренне удивляюсь ее предложению.

— Во-первых, ты все еще секретарь его отца, во-вторых, думаю, что будет неплохо, если вы сразу с ним познакомитесь, ну как бы в неофициальной обстановке, — говорит Лариса.

— Интересное предложение, — улыбаюсь я, складывая руки на груди. — Я считала, что все хотят, чтобы меня с треском выгнали отсюда.

— Ну почему же, — удивляется Лариса. — Лично я ничего не имею против работать с тобой и дальше. Не всегда новый начальник подбирает себе команду под себя, бывают оставляет и старых, опытных. Ты давно тут работаешь, должна остаться на прежней должности.

— Вряд ли у меня это получится, — хмыкаю я, и тут дверь в приемную открывается.

Лариса отходит чуть в сторону, пропуская женщину вперед. На незнакомке дорогое пальто насыщенного синего цвета, под ним голубое платье. Волосы темные, уложены, будто только из салона. На шее нитка жемчуга, на руках лаковые голубые перчатки. Впечатление, будто сюда вошла королева Великобритании.

Встаю со своего места, поправляя узкую юбку-карандаш, и накидываю на белую блузку пиджак, что висел на спинке моего стула.

— Маргарита Иннокентьевна, — здоровается с женщиной Лариса, а я невольно подбираюсь, чувствуя холодок по спине.

— Оставьте нас, — приказным тоном произносит жена Загорского, и все вылетают из приемной, оставляя нас наедине.

Жена Загорского приближается к моему столу и смотрит в упор, разглядывая меня, изучая. Я вижу, что ей на вскидку лет сорок пять, но очень ухоженная, явно побывала в руках пластического хирурга. На самом деле жене гендиря больше пятидесяти, и она никогда до этого дня не была у мужа в офисе. Однако фотография его семьи по-прежнему стоит в кабинете на столе. Там Загорский с детьми и женой на каком-то приеме. Я часто разглядывала их лица и не могла понять, почему Захар Матвеевич стал изменять жене, да еще и со мной. И знает ли она, кто я?

— Анастасия, если не ошибаюсь? — сухим тоном спрашивает Маргарита Иннокентьевна.

— Да, здравствуйте, — запоздало отвечаю ей, не ожидала, что она знает мое имя.

Будто я предполагала, что жена Загорского сейчас бросится на меня с кулаками, вцепится в волосы и начнет возить лицом по столу. Но нет, она стоит и разглядывает меня, изучая, как букашку, что неожиданно оказалась на ее пути. Мы с ней даже одеты сегодня в одном цвете. На мне голубой костюм, этот цвет особо любил гендир.

— Мне нужны документы для моего сына, в том числе генеральная доверенность, что оформлена на меня. Мои юристы займутся переоформлением, пока муж в больнице. Андрей Захарович должен сразу принять дела с подготовленными документами. — сухо произносит Загорская.

Я вспоминаю, что на этот счет говорил мне гендир, и киваю.

— Сейчас принесу, — выхожу из-за своего стола и иду к кабинету директора.

С облегчением вижу, что Маргарита Иннокентьевна не идет за мной, это дает мне возможность передохнуть пару минут, убрать волнение с лица. Возвращаюсь с нужной папкой,

вручаю жене Загорского. Она так и стоит посреди приемной, разглядывая картины на стенах, коллекцию миниатюр известных башен мира, что гендир привозил из разных уголков света и ставил в специальный стеклянный шкаф.

— Уютно у вас тут, — произносит жена Захара Матвеевича. — Давно я тут не была.

Не знаю, что сказать на это, просто стою и молчу, пока она берет у меня папку и просматривает. Мне бы надо поинтересоваться, как там мой непосредственный начальник, но язык буквально онемел от волнения. Хорошо, что Загорская сама начинает разговор.

— Чтобы ни у кого не было вопросов, когда будут звонить, всем отвечайте, что Захару Матвеевичу уже лучше, но какое-то время он еще побудет под наблюдением врачей. Всеми делами теперь будет заниматься мой сын, а точнее, с понедельника. Вы пока остаетесь на своем месте и работаете в прежнем режиме. Дальше Андрей Захарович сам решит, как ему поступить. Понятно?

— Понятно, — отмираю я, получив кучу информации и никакой конкретики.

— Мой муж хорошо отзывался о вас, Анастасия Сергеевна. Надеюсь, что вы и далее будете работать как подобает. Или вы, возможно, хотите уйти? Может быть, вам надоело работать в одном месте столько лет и так близко к моему мужу? Двадцать четыре часа, семь дней в неделю?

Я замираю, вскидывая на нее взгляд. Даже не знаю, что мне на это ответить. Она знает, кто я? Что за намеки такие? Как мне это воспринимать?

— Захар Матвеевич чудесный начальник, с ним очень приятно работать, — вырывается из меня какая-то чушь.

— Да ладно вам, я знаю, какой мой муж узурпатор. Сам работает от рассвета до рассвета и других заставляя, — неожиданно смеется скрипучим смехом Загорская. — Работать с моим мужем непросто, никакой личной жизни, а вы молодая женщина, очень красивая. У вас должна быть бурная личная жизнь, а времени не хватает на все. Не утомила вас эта должность?

— Ну что вы, я столько новому научилась, опыт здесь просто колоссальный.

— Надо же... Опыт, — усмехается как-то натянуто жена Загорского. — Что же, пусть Андрей решает с вами, а я подожду.

Она кивает и выходит из кабинета, мягко прикрыв дверь, а я облегченно выдыхаю. Мне казалось, что все это время я практически не дышала в ее присутствии. Господи, как же я испугалась! Но эта встреча когда-нибудь должна была произойти, однако я так и не поняла, знает жена Загорского о наших с ним отношениях или нет?

Настя сейчас

Маргарита Иннокентьевна, жена Загорского

Глава 8

В больничной платной палате тихо, лишь приборы ненавязчивым звуком выдают состояние больного на экран. Жалюзи закрыты, создавая приятный полумрак. На кровати лежит Захар Матвеевич, бледный, со спутанными седыми волосами. Мужчина будто сразу постарел на десяток лет. Глаза ввалились, скулы заострились. Руки своей бледностью сравнялись с одеялом, которым он накрыт по грудь. Из выреза пижамы идут провода, что подключены к датчикам на груди.

Гендир не спит, а смотрит на женщину, что только что вошла в палату в накинутом на плечи белом халате.

— Не спишь? — тихо произносит Маргарита Иннокентьевна и твердой походкой проходит к кровати мужа, садится на стул. Закидывает ногу на ногу и складывает руки на коленях, сцепляя в замок.

— Не ожидал, что ты так быстро придешь, — пытается усмехнуться Захар Матвеевич, но рот лишь криво ползет в левую сторону.

— Врач сказал, что левую руку парализовало и нога неизвестно будет действовать или нет, — сообщает «радостную» новость жена.

— А ты и рада, — гендир произносит слова комкая, проглатывая окончания, но Маргарита Иннокентьевна понимает.

— Ничего, ты у меня живучий. Позаниматься придется и с логопедом тоже, придешь в норму.

— Я велел тебе не приходить, — хмурится гендир.

— А я не к тебе, я по делу, — жена тянется к сумочке, что до этого повесила на спинку стула, и достает свернутую папку. — Здесь генеральная доверенность на меня, которую ты оставил на случай своей болезни. Завтра приедет нотариус, и в присутствии Андрея все переоформишь на своего сына. Вряд ли ты вернешься на свое прежнее место. Хотя... Можешь проехать на коляске по коридорам, поприветствовать сотрудников правой рукой.

— Язва, — прикрывает глаза гендир. — Всегда была такой.

— О чем речь, милый? Ты же так любишь свою работу, что практически живешь в офисе, или я не права? — усмехается Маргарита Иннокентьевна. — Видела я сегодня твою последнюю любовь. Никогда не думала, что тебя потянет на девочек.

— Настя? — встревоженно открывает глаза гендир. — Она тут при чем?

— Ну как же, столько лет тебя, старого дурака, ублажает, хорошо устроилась, — сжимает губы жена.

— Не хуже, чем ты, — хрипло произносит Захар Матвеевич. — Я со счета сбился, сколько у тебя было любовников.

— Тех, которых ты знал или про которых даже не догадывался? — кривит губы в улыбке жена.

— Тех, кто моложе тебя лет на двадцать, — устало прикрывает глаза гендир. — Давай не будем ломать комедию, Марго. Ты первая начала таскаться по мужикам.

— Потому что ты вечно был занят! Я сидела дома одна, ждала тебя каждый день. Моя жизнь проходила мимо. Я перестала чувствовать себя женщиной, нужной во всех смыслах...

— Снова запела свою пластинку, — морщится гендир. — Мы вроде бы всё решили лет восемь назад. Ты живешь как хочешь, только без скандалов, я тоже.

— Если бы ты уделял мне достаточно внимания... — начинает Маргарита Иннокентьевна.

— Я уделял! — своим рыком гендир заставляет жену вздрогнуть. — Однако тебе было мало. То молоденький фитнес-тренер получил от тебя квартиру, машину, я уже не говорю о

спущенных деньгах в бутиках и салонах. Следующий был твой психотерапевт, который отдраивал тебя на своих сеансах... Или я не прав? А, Марго? Мы еще тогда закрыли эту тему, когда я получил первый отчет от детектива. Ты мне что обещала? Что больше не повторится, а что получилось? Через год опять за свое. Потом появился какой-то мажор, с которым ты рассекала на нашей яхте в Италии, затем чернобровый и горячий испанец...

— Ты просто мне завидовал, — поправляет прическу Марго. — У меня муж любил свою работу, а не меня.

— Я любил тебя, пока ты не начала гулять. Не развелся только из-за наших отцов, что и сделали нам этот договорной брак. И только из-за родителей ты сейчас ходишь вся в бриллиантах и едешь на дорогой машине с водителем.

— Ты тоже много получил от нашего брака, не приbedняйся. Но у нас есть дети, которые ничего не знают о нашей договоренности. Я хочу, чтобы о твоей Насте и по-прежнему никто и ничего не знал. Особенно Андрей.

— Я сдержу свои обещания, — произносит гендир. — А ты сдержи свои. Андрей не должен знать, кто для меня была Настя.

— Почему была? — удивляется Марго. — Или ты не вернешься к своей любовнице? Пусть она возит коляску, в которой будешь гордо восседать ты, немощный старик. Представляю, как это будет приятно молодой девочке, заботиться о тебе в твоём состоянии.

— Я еще не совсем овощ, Марго. Не забывай, что завешание переписать никогда не поздно. Правая рука у меня еще двигается, — рывкает Захар Матвеевич, и его жена заметно вздрагивает.

— Был бы жив мой отец...

— Но его нет! А я пока есть!

— Хорошо, я буду по-прежнему делать вид, что не знаю ничего о твоих любовных похождений. Надеюсь, что наш сын тоже не узнает.

— Если Андрей когда-нибудь хоть слово плохое услышит от тебя про Настю... Я лишу тебя всего, дорогая моя женушка.

— От меня не узнает.

— Хорошо, а то я уже собирался отдать ему ту папку от детектива, где есть фотографии, как мать моего сына развлекается с двумя молодыми танцорами из клуба.

— Не посмеешь, — шипит Маргарита Иннокентьевна. — Столько лет уже прошло.

— Срок давности, хочешь сказать? — хрипло смеется гендир. — Для этого нет срока, Марго. А сейчас уходи, завтра я все переоформлю на Андрея. Постарайся не появляться у меня в палате чаще, чем необходимо.

— Да и пожалуйста, — бросает папку на тумбочку у кровати Маргарита Иннокентьевна и встает со стула. — Больно нужно. Тут у тебя старостью воняет.

Она, не оглядываясь на мужа, выходит из палаты, а Захар Матвеевич слушает, как в коридоре удаляется стук каблуков. Затем тянется к своему телефону на тумбочке правой рукой и набирает номер своего адвоката.

— Привет, Иван Никифорович, — говорит гендир, когда слышит ответ абонента. — Да, пришел в себя. Пока жив. Слушай, подъезжай ко мне сегодня с нотариусом, часов в шесть вечера. Завешание хочу переоформить. Да, жизнь такая. Задумаешься, когда одной рукой и ногой уже там. Согласен, жду.

Глава 9

Прилетал новый гендиректор очень неудобно, в пять утра. К этому времени я уже должна была быть готова, как к новому рабочему дню. С вечера приготовила себе брючный костюм темно-серого цвета и бежевую блузку. Сверху плащ цвета кофе с молоком и короткие сапожки на шпильке. Утром встала в три часа, практически не спала всю ночь. В голову разные мысли лезли. Кто он, мой будущий начальник?

Что я вообще знала о сыне своего любовника? Да практически ничего. Я его никогда не видела за все восемь лет моей работы на одном месте, а Захар Матвеевич ничего не говорил. Только то, что отправил сына работать в дальний офис, даже в сам Мурманск. Зачем? Непонятно. Но я не лезла в его жизнь, поэтому ничего и не знала.

В офисе тоже никаких слухов не ходило, лишь однажды, когда мы пили кофе в обеденный перерыв с Катей, она обмолвилась, что Андрей Захарович тот еще фрукт.

— Как это понимать? — насторожила я ушки.

— Когда я пришла сюда, ты еще не работала. Захар Матвеевич уже отправил своего сына на другое место работы. Ходили слухи, что Андрей Захарович тут угодил в какую-то историю, куролесил по молодости, вот отец и избавился от него. А кто-то говорил, что сын жениться отказался, не пошел на договорный брак. И отец осерчал и отправил его с глаз долой и подальше от другой девушки, которая была в тот момент у сына.

— Трагичная какая история, — усмехаюсь я.

— Ну да, только ты осторожнее с Андреем Захаровичем, говорят, он жутко злой и сердитый на отца. Может, со временем и исправился, но, насколько я знаю, они так и не помирились с сыном.

— Может, он тогда и не займет место отца?

— Да кто его знает, чужая семья — потёмки.

Вот с такими сведениями я и собиралась на встречу. Можно было отправить водителя, но Катя была права. Если я хочу остаться на прежнем месте, то должна показать себя. Свое рабочее рвение, по крайней мере.

И вот я стою в аэропорту, плащ сняла, перекинула через руку. Самолет уже полчаса как приземлился, а сына Захара Матвеевича всё нет. Хотя... Я разве знаю, как он выглядит? Почему я вдруг решила, что он обязательно меня узнает? Вот я дурочка какая! Нужно было хотя бы табличку написать! Ладно, соберись, Настя. Смотрим всех представительных мужчин в деловых костюмах, хотя бы издалека похожих на моего прежнего гендира.

Во все глаза осматриваю толпу, что идет по проходу, стараюсь не упустить своего будущего начальника. Как назло, ни одного более-менее похожего не вижу. Даже в костюме ни одного нет.

— Детка, ты не меня ждешь? — останавливается напротив меня какой-то бугай, довольно симпатичный, но точно не будущий начальник.

На нем джинсы с широким ремнем, горчичного цвета рубашка, на руке висит кожаная куртка. Светло-русые волосы слегка вьются и лежат на плечах. Пряди будто выгорели на солнце, красиво смотрится. Загорелые руки в кожаных браслетах и фенечках, а лицо, будто он только что с пляжа, даже едва заметный след от солнечных очков под глазами. Широкоплечий, я бы даже сказала, могучий. Глаза синие-синие, ресницы черные, любая бы позавидовала. Больше похож на какого-то актера, чем на обычного мужчину.

— Детка ждет другого, — кривлю я свой нос, поправляя блестящую черную сумку на плече. Меня вот это вот «детка» всегда корбит, тем более когда подкатывают в ненужном месте. — Идите, молодой человек, вы мне мешаете.

— О как, ну ладно, — улыбается белозубой улыбкой тот. — Надеюсь, еще встретимся... Детка!

— Надеюсь, что нет, — фыркаю я, снова рассматривая толпу выходящих.

Стою практически полчаса, всматриваясь в уже почти пустой коридор. Последние прибывшие прошли, да и двери прохода закрылись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.